

ЛЕНА ПЕ

РЫЖИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ЛЕНА ПЕ
РЫЖИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

«Автор»

2026

ПЕ Л.

РЫЖИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ / Л. ПЕ — «Автор», 2026

Обычные летние каникулы восьмилетней рыжей выдумщицы Агнюши в одно мгновение перестают быть обычными. Стоило только разрядиться телефону, как в её жизни появляется место для настоящих чудес и приключений. Вместе с ожившими плюшевыми игрушками она попадает в другой мир. В этом мире слишком вкусные конфеты и бесконечные ништяки да развлекауха могут стать ловушкой. Сумеет ли маленькая героиня не потерять себя, когда её «хотелки» будут исполняться сами собой? Сумеет ли вырваться из лап черномасочников и их повелительницы? Агнюша быстро поймёт: чудеса — это, конечно, круто, но без верных друзей не обойтись.

© ПЕ Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЛЕТО, ВКУСНОЕ СЧАСТЬЕМ	6
Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	11
Глава четвертая	14
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. НАЛЕТЕЛА ЧЕРНАЯ НЕПРИЯТНОСТЬ, И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО	17
Глава пятая	17
Глава шестая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

РЫЖИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Глава

РЫЖИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ АГНЮШИ

ЛЕНА ПЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЛЕТО, ВКУСНОЕ СЧАСТЬЕМ

Глава первая

Весёлое лето продолжалось. Стоят жаркие дни последнего летнего месяца. Где-то далеко за городом, за высокими рядами зелёных елей, прячется дачный посёлок. Крашенные деревянные домики стоят вразнобой, как грибы на лесной поляне.

Кто-то неспешно идёт вдоль дачных заборов. Сбивает чёрными массивными ботинками утреннюю росу с зелёной травы. Травяные стебли приминаются под тяжестью шагов — и на траве остаются мокрые вмятины рифлёных подошв.

Кто-то останавливается возле красивого и нарядного, как пряник, домика. Не открывая калитки забора, сделанного из прочной рабицы, некто проходит прямо сквозь метал ограждения. Ни вмятинки, ни царапинки не остаётся на железных прутьях — этот некто проходит через прочное металлическое переплетение так же легко, как легко проходит сквозь кусок белого масла стальной кухонный нож.

Кто-то осторожно ступает по деревянным мосткам. Подошвы ботинок, влажные от сбитой росы, оставляют на деревяшках мокрые широкие следы. И следы эти направляются прямо к домику.

Некто походит мимо высокой молоденькой яблоньки, на ветках которой праздничными фонариками висят жёлтенькие кругленькие плоды. Нижний сучок гибко прогибается, цепляясь за проходящего человека. Пара яблочек с лёгким стуком падает на деревянный настил. Некто небрежно отпихивает носком ботинка золотые яблочки в сторону. Сворачивает по мосткам вправо, вплотную подходит к оконной раме и заглядывает в незанавешенное окно.

У окна за столом сидит рыжая девочка. Она с упоением поедает вишнёвое варенье — столовой ложкой прямо из литровой банки. И при этом ни на секунду не отрывается от мобильного телефона, который лежит перед ней на столе. Тут же на столе красуется фарфоровый чайник в крупный рыжий горошек и две такие же рыжие чашки на блюдечках. Квадратное печенье и круглые баранки навалены горкой на тарелочках.

Рыжая девчонка черпает ложкой густое варенье, пододвигает банку поближе к себе. Быстро двигая ртом, сладкоежка высвобождает вкусную мякоть от косточки и сплёвывает косточки на блюдечко. О, там уже целая горка круглых белых костяшек!

Девочку зовут Агния, Агнюлик, Агнюша. Ей восемь лет. Рыжие волосы спускаются гладким шёлком до острых выступающих лопаток. У неё большие серые глаза и губки изогнуты шляпкой.

У Агнюши есть мама и папа, и в прошлом месяце они все вместе ездили на тёплое море. Только у них уже закончился отпуск — потому что отпуск у взрослых значительно короче школьных каникул. И поэтому родители отправили её до конца лета на дачу к бабушке.

А это даже хорошо, потому что бабушка не умеет быть такой строгой, как мама. Она только ласково бурчит и грозит пальцем. Да, с бабушкой хорошо: она разрешает поедать вкусняшки и висеть часами на телефоне. Ну, конечно, не то, чтобы разрешает, но всегда можно договориться и всё устроить по-своему.

Агнюша тянет ложку за ложкой уваристое варенье, прихлёбывает горячий чаёк из большой кружки и безотрывно пялится на экран телефона. На треснутом в верхнем уголке дисплея носятся туда-сюда цветные нарисованные человечки. Все кругом орут, визжат, потом снова бегут друг за дружкой.

Из соседней комнаты выходит бабушка Рина. У неё короткие крашенные рыжие волосы. Бабушка у Агнии небольшого росточка, и Агнюша скоро её догонит и перерастёт — и тогда бабушка станет самой маленькой в их семье.

Бабушка на ходу одёргивает полинялую футболку и нежно прикрикивает на внучку:

— Агния, куда лезешь ложкой! Кто так ест варенье?!

— А как есть-то? Вилкой, что ли?

— На блюде выложи.

— А зачем блюде то пачкать, мыть же придётся.

— Варенье забродит.

— Куда это оно забродит? Куда ему тут бродить?

— Ох, Агния!

Агнюша поднимает лукавое личико и, глядя бабушке прямо в глаза, медленно погружает ложку в банку с вареньем. Бабушка грозит ей пальцем. Но, проходя за спиной у внучки, всё же нежно гладит её по шёлковой голове.

Бабушка усаживается за стол и ставит чашку перед собой. Потом она берет большую ложку, тянется к банке и — зачерпывает варенье ложкой.

— Вкусно, — мурлычет бабушка, причмокивая губами.

— Вкусно, — повторяет нараспев Агнюша.

Бабушка и внучка одновременно ныряют ложками в банку. Тянут наверх наполненные вишнёвой вкуснятиной ложки. Бабушка кончиком своей ложечки цепляет у Агнюши мясистую бусинку вишни.

— Хочу эту!

— Э-э, так нечестно!

И Агнюша в отместку, как заправский мушкетёр, тычет округлым кончиком ложки в противника, пытаясь сгрести все ягоды разом к себе.

— Это мои! Мои! Мои!

— Как это твои, с какой стати твои? Я их собирала, я их готовила, у плиты битыми часами стояла. Так-то, голубушка, — и бабушка сгребает половину ягодной горки с ложки внучки.

Агнюша в ответ наносит прямой удар покатым брюшком своей рапиры. Завязывается настоящий мушкетёрский бой: и бабушка, и внучка скрещивают ложки. Вишнёвая мякоть падает с ложек обратно в банку. Бабушка Рина и Агнюша звенят металлом, ударяя рёбрами ложек, и звонко хихикают над своей выдумкой.

— Ну ладно, ладно, ну, победила, — миролюбиво говорит бабушка. — Бери. Вот сейчас тебе достану самую вкусную, без косточки. Во-о, смотри, какая красавица: крупная, мягкая. Ешь на здоровье!

Бабушка перекладывает большую разваренную ягоду вишни к Агнюше. Та моментально уминает ягоду, с довольным видом облизывая ложку со всех краёв.

Бабушка тонким слоем намазывает варенье на ломоть белого хлеба.

— Во как надо, — говорит она, с удовольствием откусывая от лакомства. — Корочка хлеба с вареньем — вкуснее всех ваших новомодных вкусняшек.

Агнюша всплёскивает ручонками.

— Бабушка, а где вкусняшки? Ты же взяла их, да?

— Господи, дитятко, ты же полбанки варенья съела, куда тебе ещё вкусняшки? Живо-глотивик ты прожорливый! Оставь свои вкусняшки на вечер.

Агнюша поворачивается на стуле, бровь вопросительно взлетает вверх.

— Агнюша, после ужина, — пытаясь быть строгой, говорит бабушка.

— Я одну, только одну.

— Агнюша...

— Одну-у-у.

— Там, в большой сумке.

Агнюша проворно кидается к сумке, стоящей на полу возле кресла. Она лихорадочно роется внутри: батон хлеба, две банки консервов, пачка сахара, пачка баранок — всё летит на кресло. И наконец — яркая картонная коробка.

— На обед что: пельмешки или макаронки? — спрашивает бабушка.

— Пельмешки.

Агнюша живо срывает защитный край коробки и достаёт две штуки чего-то вкусного в яркой обёртке.

— Одну, — одёргивает её бабушка.

— Да я одну, бабушка, одну, это на потом, — отвечает Агнюша, сжимая обе ладони.

Агнюша кладёт обе вкусняшки на стол, поближе к себе. Но тут же срывает обёртку и в три счёта проглатывает первую вкусняшку. Она довольно облизывает губы, покрытые плёнкой молочного шоколада. Искоса поглядывает лукавым взглядом на бабушку и тянется шаловливыми пальчиками ко второй штучке, лежащей на столе.

— Одну, — строго повторяет бабушка.

Агнюша, ласково возмущаясь, нараспев мурлычет в ответ:

— Да, бабушка! Это же не считается.

Агнюша задористо глядит бабушке в глаза. И в один присест разрывает обёртку второй вкусняшки. Жадно запихивает что-то шоколадное в рот.

Бабушка, надкусывая хлеб с вареньем, нежно ворчит:

— Не считается. Господи, надо куда-то спрятать всё, а то к обеду всё слопаешь. И куда в тебя влезает? Дома у родителей так же, что ли, все время что-нибудь трескаешь?

Агнюша отвечает набитым сладкой массой ртом:

— Да, трескаю. Вкусно, вот и трескаю.

— А откуда деньги берёшь на вкусняшки?

— Папа даёт. Он добрый.

— Папа даёт. Папа расти будет.

— Да, бабушка! — фыркает Агнюша.

Агнюша дожёвывает вкусняшку и подходит к бабушке, сидящей на табуретке. Обнимает её за голову, проводит ладошкой по коротким волосам. Наматывает крашеную прядку на пальчик и говорит:

— Бабушка, ты как собачка. У тебя волосики — ну как у собачки.

— Ну собачка так собачка, — смеётся бабушка и гладит внучку по спинке. — Давай, поела — иди на улицу. Солнышко сегодня, нечего дома сидеть.

— Ну я щас, ещё немножко посмотрю.

— Ладно, одну серию. И на улицу. На у-ли-цу!

— Три. Бабушка, три серии. Всё, договорились. Три.

Агнюша хватает телефон со стола, шлёпает босыми ногами в комнату, плюхается на диван и врубает крикливый мультик. Вытянувшись, как сосиска, она во все глаза пялится в экран. Что-то нарисованное снова мечется по экрану, снова вопят крикливые голоса. Экшен. Агнюша целиком, всеми ушами и глазами, погружается в жизнь нарисованных мультяшек.

Бабушка, споласкивая чашки под краном, краем глаза смотрит на валяющуюся внучку. «Ну что тут поделаешь — телефон! Попробуй отнять, писку будет! Но только три серии!» — говорит она себе.

— Три серии — и на солнце!

— Хорошо! — кричит Агнюша, не отрываясь от телефона.

Глава вторая

Разгорается летний денёк, плещет лимонным солнцем в чисто вымытые окна. Пора бы и делом заняться.

Бабушка Рина энергично роется на полках распахнутого шкафа в углу прогретой солнцем веранды. Она достаёт какие-то тряпки, бутылку с ацетоном и пару новых кистей.

«Надо покрасить белые косяки на стенах дома, обновить краску. Четыре косяка, а если хватит краски, то и опоры колодца можно мазануть», — думает бабушка.

Из комнаты за закрытой дверью громко и звонко кричит Агнюша:

— Бабушка! Бабушка, у меня телефон разрядился!

Бабушка Рина улыбается. Похоже, она ещё не понимает, что за беда стряслась: ребёнок остался без телефона! Она достаёт большую жестяную плошку и детскую пластмассовую летающую тарелку. Ставит их на пол. Берётся за кисти и срывает с них полиэтиленовую обёртку.

Агнюша открывает дверь на веранду, высовывает рыжую голову.

— Бабушка, у меня телефон разрядился, — говорит она потрясённым голосом.

— Ну и прекрасно. Нечего паяться целыми днями. Вон солнце на дворе. Иди гуляй уже, хватит валяться.

— Так я зарядку-то дома оставила.

— Ну а кто оставил? Ты же сама себя собирала. Ты и оставила.

— Так что делать-то?

— Что делать, что делать — иди гуляй во двор. Сколько можно говорить: там солнышко.

— Ба-буш-ка! Что делать-то?

— Ну возьми мою, попробуй, может, и подойдёт. Там на столе, у зеркала.

Агнюша мгновенно скрывается за дверью. Она босыми ногами пробегает по комнатам прямо к столу, накрытому ажурной белой скатертью. На столе — большое зеркало. В нём отражается озабоченное детское личико с прядками растрёпанных рыжих волос.

Агнюша берёт со стола зарядку, быстро разматывает шнур, вставляет штырь в гнездо телефона. Упрямый разъём никак не лезет. Она пробует ещё раз: нет, похоже, не то. Упрямо тычется пару раз: нет, кажется, штырь все-таки не подходит.

— Дурацкий телефон! — Агнюша бросает и телефон, и зарядку на диван. И босиком бежит обратно к двери.

Бабушка тем временем где-то раздобыла длинную палочку и мешает ею густую белую краску в алюминиевой банке. Осторожно переливает краску в плошку, стоящую на детской летающей тарелке.

В дверях застывает Агнюша. У неё недовольное лицо. Брови озабоченно сходятся на переносице. Руки в боки.

— Не подходит. Дурацкая зарядка!

— Ну всё, беда, беда-беда. День можно прожить без телефона, это не конец света.

— А что делать-то? Скучно.

— Агния, займись делом! Видишь у бабушки руки заняты, мне тебя развлекать некогда. Иди на улицу, сто раз говорила уже!

— Скучно.

— Мне не скучно: я делом занята. Займись и ты делом! Нельзя же в телефон паяться целыми днями! Скучно ей, с ума сойти можно!

Агнюша недовольно раздувает щеки, отступает обратно в комнату и громко закрывает за собой дверь. Шлёпает пятками по полу, плюхается на диван. Перевернувшись на спину, она скрещивает руки на груди. Щёки раздуваются бугорками, лицо покрывается красными пятнышками.

«Займись делом, иди гуляй! Скучно! Скучно! — Агнюша отшвыривает ногой подушку. — У меня же каникулы! Ещё скажите: иди книжки читай, домашку делай! Это же каникулы! Жесть, у меня каникулы, золотое время, а я, как дура, сижу без телефона! Полный пипец! Тут даже вкусняшек никаких не захочется!».

Агнюша поворачивает сердитое личико к окну и дёргает плечиком.

Вдруг в окне проносится быстрая тень. Чёрная птица усаживается на забор и злобно вертит толстой шеей. Ворона редко и медленно мигает чёрным глазом, высматривает Агнюшу, сидящую в комнате на диване.

Глава третья

Солнышко разливается апельсиновым светом, прогревает теплом каждую травинку, каждую пылинку, каждый листочек.

У бабушки Рины работа кипит полным ходом. Она стоит на табуретке, в одной руке кисть, в другой — детская летающая тарелка с жестяной краской. Размашистыми движениями она красит верхушку косяка, постепенно спускаясь кистью вниз.

Цок-цок-цок — раздаётся нелепый стук каблучков, цокающих по деревянной мостовой. Из-за угла дома появляется Агнюша. Она в новом прикиде.

Она достала из шкафа бабушкин цветастый шёлковый платок, повязала его на бёдрышках, крабиком для волос сцепила края платка на боку — и получилась роскошная длинная юбка. Потом пошарила под шкафом, вытащила взрослые туфли на высоком каблучке. И в таком виде — к бабушке.

— Какой наряд! Сама соорудила? — восклицает бабушка.

— Да, вот тут сцепила — и получилось. Я буду модельером, когда вырасту. Платьишки буду всякие делать. У меня будет много-много платьишков.

— Ну, голыми твоя семья не останется, — смеётся бабушка.

— Бабушка, послушай, я стих сочинила, — говорит Агнюша, поднимая блокнотик к лицу.

— Ты у меня ещё и стихи умеешь сочинять? Ну давай, послушаем. Читай. Погоди, сейчас мазану разочек.

Бабушка Рина макает кисть в плошку, набирает краску и тянется кистью высоко под крышу. Агнюша недовольно упирает руки в боки.

— Ба-буш-ка!

— Ну вот, теперь читай. Слушаю, Агнюша, слушаю. Давай начинай.

Агнюша делает серьёзное лицо, подносит блокнотик близко к глазам и нараспев читает записанные строчки:

У меня есть бабушка, бабушка-шуршалушка.

И на кухне всё стоит и кастрюлями гремит,

А я бабушку люблю и пельменями кормлю.

На последних словах Бабушка Рина засмеялась — да таким неожиданно заливистым детским смехом, что помолодела сразу лет на двадцать. Солнечная волна удовольствия и радости разливается по лицу Агнюши, по каждой клеточке её тела: она — такая талантливая!

— Ну с ума сойти! Ну молодец! — восклицает бабушка. — И пельменями кормлю! И сама сочинила?

— Да, это я сама сочинила. Пойду с твоего телефона папе позвоню, прочитаю.

— Он сейчас на работе, Агнюша, занят. Давай вечером позвоним. — Бабушка вдруг спохватывается: — Ой, а где ты мои туфли нашла?

— Под шкафом.

— Это я в них в Крым ездила, сразу после свадьбы. Ещё папы твоего не было.

— Как это не было?

— Ну не родился ещё. Все же должны были когда-то родиться и появиться на свет. Вот и ты появилась, а сначала твой папа родился, твоя мама. А ещё раньше — я и дедушка Вася.

— А-а, — отзывается Агнюша. Но серьёзная мысль о бытии лишь на секундочку мелькнула в её голове. Она встряхивает рыжими волосами и почти поёт: — Бабушка, смотри, какая я красивая! Смотри, как я ходить умею!

По модельному вихляя бёдрышками, Агнюша ковыляет на каблуках по деревяшкам мостовой. Сделав три шага вперёд, она делает резкий поворот, взмахивая повязанным платком, и принимает финальную суперкрасивую позу, сложив пальцы у глаз победной галочкой.

— Да, модель! Тебя бы сфоткать и папе выслать: во какая красotka растёт! Звезда! А ещё лучше — на фантики тебя. На конфеты.

Агнюша плывёт от счастья. Она качается и в плечиках, и в бёдрышках, игриво перебирает тонкими коленками, потом замирает в позе с выгнутым бедром.

— Красotka! Ну прямо модель!

Агнюша принимается кружиться на деревянном помосте, самовлюблённо извиваясь всем телом и радостно повторяя вслух:

— Я — красotka! Я — красotka! Я — красotka!

И она закручивает себя всё быстрее и быстрее. Она кружится — и её детское счастье кружится вместе с ней. И тень, падающая от её фигурки, беззаботной бабочкой кружится и кружится на деревянных мостках.

Быстро растаял ещё один час летнего дня. В высоких кустах малины солнце жарит теплом и светом. Плотные зелёные листья малинника подозрительно шебуршат. На корточках под кустом, прикрытая пышной веткой, сидит Агнюша. Но её выдаёт рыжая солнечная голова.

Бабушка Рина возвышается на табуретке, макает кисть в краску с банкой.

— Вижу, вижу тебя. Ты же рыженькая: тебя отовсюду видать. Поди, вон там, на том кусте много ягодок. Я с утра смотрела, тебе оставила.

Агнюша поднимается из-под кустов, топаёт на каблуках по рыхлой земле к самому концу забора. Каблуки утопают в мягкой почве. Она чуть не падает, но, поймав руками баланс, продолжает вихлять взрослой походкой до крайнего куста малины.

Бабушка, провожая внучку глазами, заливается от смеха. Агнюша, не оглядываясь на смеющуюся бабушку, но ощущая лопатками её ласковый взгляд, вертит тонким тельцем ещё сильнее.

Агнюша поднимает длинную ветку малины и неподдельно ахает от восторга. Как воробушки на проводах, красные пухлые ягоды облепили весь куст. Быстро, с детской жадностью, Агнюша собирает ягоды в ладошку и разом запрокидывает горсть лакомства в рот. Она жмурится от счастья, подставляя личико ласковому солнышку. Как же это сладко!

Бабушка Рина наконец слезает со своего табурета и проходит на веранду. Она смачивает тряпку ацетоном из бутылки и начинает тщательно тереть пальцы, стирая белую краску. Мимо большого окна мелькает макушка рыжей головы. Агнюша крадёт, пытается проскочить незаметно. Но это ей не удаётся.

— Вижу. Вижу тебя, рыженькая, — говорит бабушка.

— Опять меня увидела! — Агнюша вырастает во весь рост. — Это нечестно.

— Пойдём, Агнюша, я тебе кое-что покажу.

Агнюша нехотя шлёпает на каблуках по ступенькам крыльца.

— Пойдём наверх. Там что-то есть.

— А что?

— Увидишь.

Бабушка и внучка поднимаются по крутой узкой лестнице на второй этаж. У стен стоят нагромождённые друг на друга старые чемоданы, в углу лежат свёрнутые ковры. У окна громоздится старинный сундук.

— Ну, иди сюда, давай-ка глянем, что там, — таинственным голосом говорит бабушка, указывая головой на сундук.

Она осторожно поднимает тяжёлую крышку. Сверху сокровища прикрыты золотистой парчовой тканью. Агнюша опускается на колени, живо отбрасывает край парчи в сторону и ахает от восхищения.

В сундуке, прижавшись друг к дружке, лежат большие, красивые игрушки. Новые, будто только что из магазина. Агнюша достаёт куклу с белыми волосами, в нарядном пышном платье из розовой атласной ткани.

— Это любимая кукла тёти Лены, — говорит бабушка. — Она её лечила, уколы делала в попу, укладывала спать. И все балы для неё устраивала.

Агнюша тянется тонкой ручкой вглубь сундука и вытягивает большого плюшевого слона — серебристо-серого, с розовыми пятками и розовыми большими ушами. Другой рукой она достаёт красавца Мишку: он великолепно чёрный, с коричневым носом, в клетчатых брюках и с красным шарфом на толстой шее.

— Помню, и Мишку, и Слона. Тётя Лена везде-везде их таскала, не расставалась с ними.

— Круто! Это же круто! Таких ни у кого нет. Всё, они будут мои.

— Бери на здоровье, играйся!

Агнюша порывисто прижимает и куклу, слона и мишку — всех разом! Она тискает их, прижимает к себе, трётся щекой о плюшевое ухо слона. Смеётся:

— Мои! Теперь вы мои!

Глава четвертая

На деревянном широком настиле у крыльца выставлены три стула. Агнюша спускается с крыльца, пыхтит, тащит на спине четвёртый. Она снова переделалась — теперь на ней длинная взрослая футболка, которая смотрится платьем. Агнюша расставляет все четыре стула по углам помоста.

Она опрометью бежит обратно в дом, босоножкой взлетает по ступенькам крыльца. Тащит из дома золотистое покрывало. Раскрывает его, то и дело путаясь в длинных концах, натягивает покрывало сразу на все четыре спинки стульев. Получается домик.

Но неожиданно налетает ветер, покрывало слетает с двух стульев — и домик разлетается.

Бабушка в это время прихлёбывает из кружки чаёк, стоя на веранде у большого окна, и через стекло внимательно смотрит на внучку. Агнюша поднимает лицо к бабушке. Она всегда угадывает, где находится бабушка, всегда чувствует, что бабушка на неё смотрит.

— Бабушка! Не получается! — жалобно кричит Агнюша. — Я домик хочу сделать. Ветер дурацкий мешает!

— Сейчас придумаем что-нибудь, не бурчи. Как бабка старая, и бурчит, и бурчит. Откуда только такого набралась.

Бабушка дохлёбывает последний глоток и уходит в дом.

Агнюша, недовольная и серьёзная, быстрыми движениями растаскивает концы покрывала по местам. Подходит бабушка, в руках у неё четыре бельевые прищепки. Она ловко соединяет концы покрывала на выпирающей верхушке спинки первого стула и сцепляет их прищепкой.

Агнюша бросается помогать, соединяет концы покрывала на втором стуле. Бабушка протягивает прищепку, и Агнюша ловко защёлкивает её на концах покрывала.

Вот домик и готов. Покрывало чуть трепещет от ветра, и золотые нити шитья отливают медным листом на ярком солнце. Под домик с золотой крышей Агнюша стелет пушистый белый коврик. Кажется, это будут шикарные апартаменты.

Легконогая, она слетает с крыльца, и с куклой, и со слоном и с мишкой. Вываливает троицу на мягкий коврик. И сама залезает в домик. Из-под золотого навеса её совсем не видно — только слышится нежный голосок:

— Ну вот, вы у меня в гостях, в моём домике. Сейчас будем знакомиться, потом я вас буду угощать, как хозяйка. Вот. Меня зовут Агнюша, я тут главная. А тебя? — Агнюша берёт куклу в руки. — А давай ты будешь Жанной.

Агнюша перехватывает плюшевого слона поперёк живота.

— А ты будешь... пока не знаю, — она откладывает слона в сторону и, коснувшись кончиком пальца пуговицы-носа на морде плюшевого медведя, добавляет: — Мишка будет просто Мишей. Вот. Я рада, что вы пришли ко мне. Круто!

Агнюша растягивается на животе, и из-под навеса вытягиваются загорелые голени и розовые пяточки. Она достаёт из кармашка шортиков конфетки. О, у этой рыжей девочки всегда есть заправка, всегда где-нибудь да припрятаны конфетки. «Вкусняшки не появляются просто так, надо что-то припрятать, чтобы потом было что съесть», — не раз говорила себе Агнюша.

— Только не деритесь, мы же друзья теперь, — взрослым голосом говорит Агнюша. — И не бурчите. Что разбурчались! Вот, на тебе конфетку, серенький; и тебе конфетку, Жанночка; и тебе, Мишенька; а мне — две. Я ведь взрослая — мне две. Вкусно. Кисленькая. Я люблю кисленькие конфетки.

Вдруг северный ветер жёсткой рукой оглаживает кусты смородины, сердито дёргает ветки яблоньки. Кусты и деревья волнуются, отбиваются зелёной листвой, выпрямляются гордой стражей возле самодельного домика.

В это время в проулке появляется женщина. Она в чёрных потёртых джинсах, в чёрной футболке. Короткая стрижка пепельных волос, белое малокровное лицо. Голые руки сплошь покрыты наколками, на которых изображена в разных позах птица с раскрытой пастью.

Женщина в наколках неспешно идёт по переулку, приминая тяжёлыми ботинками зелёную траву. Она крутит головой и кидает недобрые взгляды поверху дачных заборов.

Женщина поравнялась с домом бабушки Рины. Подходит вплотную к рабице забора. Пристально смотрит на домик с золотой крышей и торчащие из-под домика детские голые ножки.

Ветер внезапно стихает. Куст смородины замирает, щетинится всеми веточками, листочками и вислouxими кисточками красных ягод. Яблонька храбрится, расправляет широкие плечи и вытягивается тонкими ветвями вверх.

Женщина неожиданно громоподобно чихает. Она рукой смахивает соплю у себя под носом. Хрипит пыльным голосом:

— Девочка! Девочка! Какой красивый у тебя домик. А скажи мне, кто в домике живёт?

Агнюша высовывает из-под висящего покрывала рыжую голову. На её лице нет страха, она с любопытством смотрит на незнакомую странную тётю.

— Да ты рыженькая, — хрипит женщина. — Редкость, большая редкость. Повезло.

— Бабушка! — звонко кричит Агнюша. — Тут тётя пришла.

Женщина с наколками на каждый звук звонкого детского голоса всё больше и больше расширяет угольные зрачки и уже совсем откровенно чёрными пятницами глаз пожирает рыжую девочку.

Но тут из-за угла дома выходит бабушка Рина. Она на ходу вытирает тряпкой замызганные руки и обращается к незнакомке.

— Добрый день. Вам что-то надо?

— Здравствуйте. Ничего не надо. Вижу девочка. Красивая девочка.

Женщина бросает цепкий взгляд на рыжую Агнюшу. По лицу бабушки Рины пробегают лёгкая тревога.

— Агнюша, иди в дом.

— Агнюша... — женщина сиплым голосом повторяет имя девочки.

— Агния, в дом. Есть пора. Быстро.

Что-то в голосе бабушки встревожило Агнюшу, она посмотрела на бабушку. Агнюша без лишних слов вылезает из-под домика, быстрыми шагами пробегает по мосткам, взбегают на крыльцо и скрывается в доме.

Женщина с наколками хищно щурит глаза, провожая убегающую в дом девочку. И тут её глаза встречаются с твёрдым взглядом бабушки Рины.

Женщина разворачивается на каблуках и уходит в том же направлении, откуда и пришла. Но у поворота на дорогу она останавливается, оглядывается — на домик, на окно, на рыжую тень за стеклом.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. НАЛЕТЕЛА ЧЕРНАЯ НЕПРИЯТНОСТЬ, И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

Глава пятая

Солнце печёт. Раскалённый воздух плывёт, как растаявшее мороженое. Бабушка Рина резкими движениями мажет кистью по столбу колодца. Краска всё-таки осталась, и вот из последних сил она докрашивает облупившиеся деревянные опоры. Пот струйками стекает из-под бейсболки по щекам.

За спиной у бабушки на нагретых солнцем мостках, под домиком с золотой крышей, беззаботно лежит Агнюша — лишь слегка шевелит голыми пятками.

Вдруг где-то с дальних улиц раздаются звучные гудки большой машины. Три резких гудка буквально врезаются в разваренный, беззвучный воздух. Бабушка, не поворачивая головы, спрашивает:

— Агнюша, молоко везут: слышишь, машина гудит. Пойдём за молоком?

Агнюша, выгибаясь капризной кошечкой, высовывается из-под покрывала, и смотрит на бабушку.

— Не, бабушка, я тут играю. Давай завтра?

— Ну, завтра так завтра. Мне вот тоже ещё чиститься. Ладно, обойдёмся — у нас компот есть.

— Ага.

Бабушка Рина снова набирает белую краску на кончик кисти, опускается на корточки и прикладывает кисть к сухой деревяшке.

Агнюша же, поджав ноги, полностью прячется в своём домике. Золотая крыша домика сияет, как солнце. Всё снова погружается в беззвучное марево. Даже шмель, летающий над золотым покрывалом, перестаёт жужжать.

И снова громкие гудки молоковоза пробивают распаренный воздух резким троичным звуком.

И в это время на голубом небе появляется маленькая чёрная точка. Всего лишь точка. На ясном небе. Чёрная крапинка нависает прямо над домиком.

Агнюша уютно устроившись в прохладной тени под золотой крышей, подкладывает Мишке под спинку мягкие тапочки, серого слона кладёт рядышком. Накрывает игрушки шёлковым платком, оставляя на виду только их широкие плюшевые мордочки.

— Вот, спите. Детки днём должны спать. Во сне детки растут. Не болтать, не пинаться и не вертеться.

Над покрывалом как будто что-то пролетело. Агнюша поднимает глаза — сбилась складка покрывала. Наверное, ветер.

Агнюша берёт в руки куклу, расчёсывает ей волосы пластмассовым гребешком.

— Нельзя быть такой растрёпой, Жанночка. Девочка должна расчёсывать свои волосы, заплетать причёски, косички, хвостики разные. А ты не смотри, что я не причёсана, я... заколки забыла. Ну хорошо, не забыла — там на столе, ну мне сегодня лень. Сегодня можно. Каникулы же. Вот, а тебя я причешу. Будешь красотка.

Из точки, высоко повисшей над золотым домиком, начинает медленно просачиваться мелкая летучая чёрная пыль.

Пыльная дорожка неторопливо закручивается в спираль: сначала хвост из чёрной пыли чертит малый круг, потом заходит на большую дугу. Пылинки множатся, соединяются и

момента́льно увеличиваются в размерах. Дорожка удлиняется и заходит сплошной чёрной лентой на третий виток.

Пыль сбивается в плотное дымное облако. Оно быстро расплзается рваными боками по голубому небу. Нависает огромным чернильным пятном прямо над домиком Агнюши. Становится чёрным-пречёрным.

Вдруг облако принимает форму большого мусорного ведра без ручки. Пылинки слепляются в пластилиновую колбасу. Вытягиваются в косматую метлу с длинным черенком.

Сквозь клубы пыли мелькают резкие, размашистые движения метлы. От веток помела чернильная пыль поднимается всё выше и выше.

Какая-то высокая фигура метлой разгоняет чёрную пыльцу по воздуху и яростно закручивает её кругами. Пылинки вихрем разгоняются по дуге. И тут ступа ныряет вниз и идёт на снижение.

В ступе гребёт метлой женщина с татуировками на голых руках. Она в чёрном лаковом комбинезоне: брюки в обтяжку, тесный лифчик. Она размашисто работает локтями, погоняет летящее ведро метлой что есть дури. Пыль поднимается в три этажа!

Ступа проходит над самым домиком Агнюши. Притормаживает на повороте. Поднятые вихри пыли и песка устремляются хищной тенью к земле.

Чёрная буря подхватывает детский домик — и стулья, и золотистое покрывало, и куклы — всё поднимается в небо. Агнюша как пушинка взлетает вверх. Беспомощно болтая руками и ногами, она барахтается в пыльном воздухе.

Агнюша, вывернув голову, смотрит в сторону, туда, где находится бабушка. Бабушка стоит к ней спиной. Она красит колодец и ничего не замечает. И странно — над бабушкой Риной висит полоса голубого неба. Там, где бабушка, там всё освещено ярким безмятежным солнцем и нет никакой чёрной пыли!

Агнюша отчаянно машет руками и ногами. Трепыхается всем тельцем. Вертится рыжей бусинкой в центре чёрного облака. А рядом в стремительных потоках песка и трухи летят по кругу и розовая пластмассовая кукла, и набитые ватой слон и мишка. Все трое крутятся волчком. Раз за разом переворачиваются вверх тормашками и несутся дальше по кругу. Мишка и слон бьются друг о дружку боками, разлетаются в стороны и снова сталкиваются спинами.

Агнюша задыхается от пыли. Она с отчаянием смотрит на солнечную сторону, туда, где осталась бабушка. Агнюша широко открывает рот, истошно кричит, но звука её голоса не слышно никому — даже она себя не слышит. Всё как в вате. И сколько ни напрягай голосовые связки — ни крика, ни писка, ни звука.

Что-то невидимое, сильное волочёт её, как котёнка за шкурку, дальше — в самый центр непроглядной дыры. Агнюша что есть силы дубасит кулаками. Пинается. Вырывается из цепкой руки.

Пыль сгущается до предела, уплотняется в глухое шершавое пространство. Чёрная дыра раскрывает беззубую пасть и проглатывает: сначала розовую куклу, и тут же, без передышки, разом — мишку и слона, слепившихся в тёмно-серый комок.

Агнюша бешено колотит руками по чернильному воздуху. Отчаянно брыкается босыми пятками. Упрямым движением головы бодается с невидимым врагом.

Но чернота тащит кричащую ртом без голоса девочку в темноту. В мрачном зеве дыры мелькают рыжая голова, белые голые ножки, розовые пяточки. Агнюша пропадает в чёрной дыре.

Глава шестая

Черноты больше нет. Какие-то белые искорки мерцают перед лицом. Агнюша ощущает тяжесть своего правого плеча, лежащего на земле; под горячей щекой лопаются холодные хрусталики. Агнюша поднимает лоб с намокшими рыжими прядками от белой земли. Кругом белой ватой лежит снег. Оказывается, это она лежит на снегу. По спине пробегает змейка озноба. Она приподнимается на локтях и смотрит вперёд. Впереди и вокруг — только голое, бесконечное, белое поле.

«Вот тебе раз, — думает Агнюша, проговаривая свои мысли вслух. — Было лето, было жарко, так жарко, как в июле на море, а сейчас холодрыга. Я, конечно, люблю зиму, я и родилась в феврале, но как-то это чересчур! Да и не одета я — у меня коленки мёрзнут!».

Агнюша усаживается на снег и крепко прижимает к груди озябшие ножки. Она укрывает голые коленки подолом длинной футболки.

Агнюша шмыгает носом, сама собой потекла из глаз солёная влага.

— Мне так не нравится! Мне холодно! Я совсем одна! Я не хочу тут сидеть одна-одишенька! Посидишь, посидишь — и околеешь! — хнычет тихонько Агнюша.

Она утыкает лоб в коленки, плечики и лопатки сотрясаются от горького плача.

— Ну и околею! — громко восклицает она.

Вдруг из-за белого, как молоко, горизонта проступает высокая серебристая тень. Бесформенная фигура надвигается, стремительными шагами идёт вперёд. Из белой пелены проступает крупное пышное серебристошёрстное тело с большой головой и розовыми ушами. Передвигаясь на задних лапах, топает по снегу слон. Хрум, хрум, хрум — раздаются тяжёлые шаги.

Агнюша поднимает голову. Красными от слёз глазами она смотрит вперёд. Да, она видит слона. Он большой, он пышный, он добрый! Она вскакивает на ноги и опрометью, быстро перебирая голыми ножками, бежит по снежному ковру навстречу серебристой фигуре. Её ноги утопают в рыхлом снегу, она торопится, выдёргивает ноги из-под снега, бежит дальше, спотыкается, падает на коленки прямо в сугроб, быстро вскакивает и снова бежит — поспешает.

Три последних прыжка — она врывается в слона и порывисто обхватывает голыми ручками его пышные бока. Она прячет заплаканное личико на его большом животе — таком мягком, таком плюшевом.

— Как же хорошо! — говорит повеселевшая Агнюша.

Тепло от счастливой мысли бежит по каждой жилочке в её теле.

— Как хорошо! У меня есть друг! — радостно лепечет она.

Слон гладит кончиком хобота девочку по голове — нежно, мягко, по-родному. Агнюша поднимает зарёванную рожицу и доверчиво смотрит большим глазами на слона-великана.

— Слоник, как хорошо, что ты рядом, — говорит она. — Как хорошо! Я думала, я совсем одна. Это так страшно.

Слон отвечает шоколадным басом:

— Не надо плакать, Агнюша. Всё будет хорошо. Хо-ро-шо. Ты что-нибудь придумаешь. Ты же у меня выдумщица.

Агнюша радостно выдыхает и ещё крепче всем тельцем прижимается к плюшевому пузу.

— Слоник, милый слоник. Я думала, я совсем одна... И куда это мы попали?

— Не знаю, но куда-то попали.

Агнюша поднимает лицо, утирает слёзы и радостно смотрит на слона.

— Ну раз попали, значит, отсюда и выпасть обратно можно. Где вход, там и выход. Значит, если будем искать вход — найдём выход!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.